

Л. Н. СЕМЕНОВА

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ —
ИСТОРИК-ИСТОЧНИКОВЕД

В 1986 г. на девяносто первом году жизни умерла Елена Петровна Подъяпольская, известный специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, замечательный археограф, источниковед, талантливая исследовательница, неумоимо трудившаяся на поприще отечественной историографии многие десятки лет. Творческая биография Е. П. Подъяпольской характерна для людей того поколения, жизнь которого совпала с периодом становления советской историографии.

После окончания гимназии в Саратове Е. П. Подъяпольская в 1914 г. уехала на Высшие женские курсы Герье в Москве и три года училась там на историко-филологическом факультете. Ее учителями в то время были А. И. Яковлев и М. М. Богословский. Вернувшись в Саратов, Елена Петровна в 1920—1924 гг. закончила историческое отделение педагогического факультета Саратовского университета, а в 1924—1929 гг. прошла курс аспирантуры при Нижне-Волжском краеведческом исследовательском институте. Решающую роль в формировании научных интересов Е. П. Подъяпольской сыграл семинар П. Г. Любомирова, ее научного руководителя в студенческие и аспирантские годы. Участники семинара предприняли коллективное исследование ревизских сказок Саратовской губернии XVIII в., важных с точки зрения анализа социально-экономического развития России и хода Крестьянской войны в Поволжье. Первая научная публикация Елены Петровны называлась «О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда».¹ Итоги своим многолетним наблюдениям над материалами ревизий XVIII в. она подвела в более поздней публикации «Ревизские сказки как исторический источник».²

¹ Известия Нижне-Волжского краеведческого института. Саратов, 1927. Т. II. С. 143—213.

² Подъяпольская Е. П. Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия : Сб. статей. М., 1952. С. 311—321.

В аспирантуре Елена Петровна занималась изучением помещичьего хозяйства XVIII в. Она обрабатывала документы архива князей Куракиных. Тщательное исследование большого архивного материала позволило ей выявить перемены, происходившие в крепостническом хозяйстве. Результаты работы нашли отражение в статье «К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII в.».³ Дворянскую задолженность она рассматривала в плане новых явлений, связанных с развитием буржуазных отношений в XVIII в.

Первое послереволюционное десятилетие было временем перестройки музейного дела, подчинения его практическим потребностям дня. Много сил и энергии Елена Петровна отдала работе в Саратовском областном музее в качестве ученого секретаря и члена правления. В Обществе истории, археологии и этнографии при Саратовском университете она была избрана заместителем председателя Общества. В 1929 г. опубликовала «Опись серии документов», хранившихся там.

Перестраивалось архивное дело. В Саратове Елена Петровна приняла участие в работе губернского архивного бюро, занималась передачей в архив фондов учреждений, упраздненных революцией. После переезда в Москву она начала активно работать в археографическом секторе Института истории АН СССР (1936—1937 гг.). В период становления советской историографии особое значение имели публикации источников, поскольку лишь с введением в научный оборот наиболее важных из них новые концепции истории России периода феодализма получили прочное основание. Начиная с 30-х гг. археографическая работа приобрела огромный размах. Были изданы серии документов по экономической истории, истории классовой борьбы.

С 1946 г. Институт истории АН СССР возобновил публикацию серии документов «Письма и бумаги императора Петра Великого» (первый том этой серии вышел в свет в 1887 г., всего же за период до 1918 г. было издано семь томов). Елена Петровна вошла в состав группы по публикации писем и бумаг Петра I через год после ее образования в составе сектора феодализма Института истории. Возглавляли эту группу Ю. В. Готье и А. И. Андреев. Работая одним из составителей, а затем членом редколлегии серии, Елена Петровна плодотворно использовала свои обширные познания по истории петровской эпохи, редкое знание архивов, владение тончайшими источниковедческими приемами.⁴

Советское издание «Писем и бумаг» включает шесть опубликованных томов (т. VII—XII) и один подготовленный к публикации том (т. XIII). Участие Е. П. Подъяпольской в работе над этими томами

³ Известия Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Саратов, 1929. Т. III. С. 247—269.

⁴ Подъяпольская Е. П. 1) К вопросу о формировании дворянской интеллигенции в первой четверти XVIII в.: (по записным книжкам и «мемориям» Петра I) // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 181—189; 2) Шифрованная переписка в России в первой четверти XVIII века // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VIII. С. 314—342.

имело первостепенное значение. Следуя принципу, принятому издателями серии еще в дореволюционное время, авторы ограничили каждый том рамками одного года. Таким образом, советское издание «Писем и бумаг» охватывает период с 1707 по 1713 г. В истории России названный период занимает совершенно особое место: это самое напряженное время Северной войны, когда произошла Полтавская битва, приведшая к решительному перелому в ходе войны, время продолжения реформ в различных сферах жизни и самого резкого обострения классовой борьбы, вылившейся в Булавинское восстание. Сказанное определило значение предпринятого издания.

Советское издание «Писем и бумаг» имеет ряд важных особенностей по сравнению с дореволюционным, что было подчеркнуто в статье Елены Петровны «Об истории и научном значении издания „Письма и бумаги императора Петра Великого“», обобщившей тридцатилетний опыт работы над томами этой серии.⁵

В ходе составления новых томов было выявлено около 600 лиц, адресатов писем Петра I. Серия «Письма и бумаги» задумывалась как биографическое издание, но затем она превратилась в собрание документов по истории народа и истории преобразований первой четверти XVIII в. Преобразования охватили военную и административную сферы, экономику и культуру. Вот почему серия «Письма и бумаги» отражает важнейшие сдвиги в указанных областях.

Отличие советского издания заключается не только в наличии подробных комментариев, охватывающих широкий круг проблем по истории России периода преобразований в начале XVIII в. Новые тома «Писем и бумаг» включают в себя публикацию значительного числа документов, связанных с перепиской Петра I. Подбирая публикуемые документы, авторы ставили главной задачей воссоздать как историю государства, государственных преобразований, внутренней и внешней политики, так и историю народа, положение народных масс, их классовую борьбу. Более половины опубликованных документов Петра I были впервые введены в научный оборот, сопутствующие документы в подавляющем большинстве изданы впервые. Некоторые из них позволяют по-новому подойти к целому ряду вопросов по истории не только России, но и других стран Восточной и Центральной Европы.

Богатство материалов, включенных в тома «Писем и бумаг», высокий археографический уровень их публикации отмечены во многих рецензиях. Ранее опубликованные документы выверены по лучшим рукописным спискам. Издание осуществлено в соответствии с новейшими правилами археографии: варианты текста приведены в подстрочных примечаниях, воспроизведены адреса и пометы, в легенде указаны не только архивные шифры, но и ссылки на имеющиеся публикации документов. Составителям томов пришлось проделать скрупулезную работу, чтобы установить аутентичность документов, не сохранившихся в подлиннике, уточнить их датировку и т. д.

⁵ Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 56—70.

С полным основанием Б. Б. Кафенгауз включил серию «Письма и бумаги Петра Великого» в основной фонд капитальных изданий источников по истории России, таких как «Акты исторические», «Полное собрание русских летописей», «Русская историческая библиотека». Следует подчеркнуть настоятельную необходимость продолжить публикацию томов «Писем и бумаг», поскольку отсутствие публикации за 1714—1725 гг. остается серьезным препятствием для исследования решающей фазы преобразований.

Публикация переписки Петра I побудила Елену Петровну обратиться к специальному изучению одной из сложных проблем источниковедения — к расшифровке тайнописи, широко применявшейся правительством России в первой четверти XVIII в. В тайную переписку был вовлечен широкий круг лиц, включая ведущих дипломатов, высших военных чинов. Основные линии шифрованной переписки касались вопросов международного значения, военных дел, связанных с крупнейшими операциями, внутренних дел (Булавинское восстание, дело об измене царевича Алексея и др.). Преобладала правительственная переписка, но существовала также и частная зашифрованная корреспонденция.

Перу Е. П. Подъяпольской принадлежит подробный обзор документов первой четверти XVIII в., включавших тайнопись.⁶ Некоторые архивные дела представляют собой большие тома с листами сплошь зашифрованных текстов. Расшифровка документа обычно дает в распоряжение исследователя материал первостепенной важности, так как засекречивался в первую очередь именно такой материал. Лишь в переписке на русском языке Елена Петровна выделила не менее 65 видов тайнописи, причем наиболее распространенными были шифры смешанного характера (цифровые, буквенные и с употреблением идеограмм). Ведущие «персоны», руководившие военными действиями с разных сторон, обозначались особыми значками. (Топор или виселица обозначали, например, имя Мазепы, знак виселицы присвоен Булавину). Елена Петровна предложила свою методику изучения шифров петровского времени.⁷ До сих пор в архивах хранятся нетронутые пласты шифрованных документов, не изученных источникововедами. К некоторым шифрам не удалось поныне подобрать ключа. «Задача источниковедов и архивистов, — писала в свое время Е. П. Подъяпольская, — состоит в собрании имеющихся в архивах и опубликованных шифрованных азбук и таблиц идеограмм, в составлении шифрованных азбук к переписке, в которой отсутствует ключ. . .». Это позволит «составить полезный справочник азбук для тайной корреспонденции XVIII века».⁸ Обозначенная Е. П. Подъяпольской задача не утратила своего значения и в настоящий момент.

Петр I оставил после себя 13 записных книжек и множество записных листов («меморий»), заключавших в себе важный материал по

⁶ Подъяпольская Е. П. Шифрованная переписка в России в первой четверти XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VIII. С. 314—342.

⁷ Там же. С. 339—342.

⁸ Там же. С. 342.

истории подготовки и проведения реформ первой четверти XVIII в. Елена Петровна ставила вопрос о необходимости выделить эту документацию в особую группу источников. Выделив записи (более 150 «меморий» и записные книжки), относящиеся к культурным преобразованиям, она наглядно показала их значение для разработки конкретно-исторической проблематики. В статье «К вопросу о формировании дворянской интеллигенции в первой четверти XVIII в. (по записным книжкам и «мемориям» Петра I)» Елена Петровна проанализировала, как возникали многочисленные и разнообразные проекты, как осуществлялись они в русле дворянской политики, как развивалась мысль реформатора.⁹

В ходе архивных разысканий Е. П. Подъяпольская обнаружила ряд новых документов по истории культуры первой четверти XVIII в., которые были положены ею в основу статей по истории литературы («Как родилась песня. Этюд из истории песен феодальной эпохи»;¹⁰ «Неизвестные стихи на смерть Петра I»¹¹) и живописи («К вопросу о русско-чешских культурных связях в первой четверти XVIII в. Автограф чешского художника Яна Купецкого в советском архиве»¹²).

Елена Петровна приняла участие в многолетнем споре по поводу подлинности так называемого прутского письма Петра I, выдвинув свои источниковедческие соображения. Когда Петр I с войском был окружен превосходящими силами турок на берегах Прута в 1711 г., он якобы дал письменное разрешение Сенату не выполнять даже и собственноручных царских повелений в случае его пленения, а в случае же его гибели сенаторы должны были выбрать «между собою достойнейшего. . . в наследники». Несохранившееся прутское письмо Петра I, как представляется, напоминает его речь, будто бы произнесенную накануне Полтавского сражения. Хотя эта речь была сочинена после битвы, она очень точно отражала историческую ситуацию и характер Петра I. Уже Н. Г. Устрялов отметил, что накануне прутского похода права наследника официально сохранялись за царевичем Алексеем, а потому Петр I не мог предлагать сенаторам выбрать наследника из своей среды. Однако Н. Г. Устрялов не выяснил мотивов подлога, что серьезно ослабило его аргументацию. С. М. Соловьев указал на отсутствие мотивов к подлогу, поскольку письмо не утверждало ничьего права на трон. Отстаивая достоверность прутского письма, Елена Петровна подчеркивала, что его содержание «находится в полном соответствии с исторической обстановкой». Письмо, по ее мнению, было написано до составления первой официальной реляции о прутской баталии. В письме утверждалось, что русская армия была окружена «в четыре краты. . . сильнейшею турецкою силою». В реляции от 25—28 июля 1711 г. приводились

⁹ Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. С. 181—189.

¹⁰ Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 290—295.

¹¹ Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 296—299.

¹² Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 304—306.

диффы, из которых следовало, что турки имели почти пятикратное превосходство. В «Истории Свейской войны» (1720 г.) значилось, что турецкое войско превосходило русское в «в семь крат». Эта последняя цифра неизбежно попала бы в прутское письмо, если бы оно было фальсифицировано в последние годы царствования Петра I или в более позднее время.¹³ Содержательная аргументация Елены Петровны оживила давний спор, хотя этот спор еще далек от своего завершения.

Работая над публикациями «Писем и бумаг Петра I», относящихся к 1707—1709 гг., Е. П. Подъяпольская обратилась к изучению восстания Булавина, что окончательно определило главное направление ее научных интересов. Монография Елены Петровны «Восстание Булавина. 1707—1709» (М., 1962) вызвала широкий отклик читателей, появилось много рецензий на эту книгу. Появление книги знаменовало новый шаг в изучении истории крестьянских войн в России. Тщательное исследование материалов позволило автору высказать мысль, что восстание Булавина по существу было крестьянской войной и должно быть поставлено в один ряд с крестьянскими войнами под руководством Болотникова, Разина и Пугачева.

Е. П. Подъяпольская провела серьезные источниковедческие разыскания, поставив целью выявить и реконструировать документы, вышедшие из повстанческого лагеря. Материалом для реконструкции служили официальные документы, резко враждебные повстанцам. Обращение к правительственной переписке 1707—1709 гг. убедило Елену Петровну в том, что районы восстания были буквально наводнены листовками повстанцев. Самые ранние из них она датировала временем около 9 октября 1707 г., когда восставшие убили Ю. В. Долгорукого, прибывшего с отрядом на р. Айдар для «сыска» беглых. 10—12 октября Булавин обратился с «прелестным письмом» к «кругу» Войска Донского (письмо не велено было подавать никому из старшин, из чего Елена Петровна делает вывод, что Булавин пытался привлечь на свою сторону прежде всего рядовых казаков и не рассчитывал на поддержку старшин). Текст ранних писем не сохранился. Но Е. П. Подъяпольская реконструировала их на основании записей показаний пленных повстанцев и донесений лазутчиков. Ближайшие задачи, выдвинутые Булавиным, сводились к тому, чтобы довершить разгром отряда Ю. В. Долгорукого, вовлечь в восстание ближайшие казачьи городки, подтолкнуть население к расправе с воеводами в русских городках. Уже в это время Булавин объявил казакам, что «на весну собрався (они. — Л. С.) пойдут на Воронеж и до Москвы». После поражения 18 октября 1707 г. Булавин продолжал рассылать воззвания по разным станицам, а затем попытался поднять Запорожскую сечь.

1 мая 1708 г. восставшие заняли Черкасск, позже войсковой круг избрал Булавина атаманом Войска Донского. 13 мая состоялся указ Войска «ко всем рекам и речкам» о походе против двигавшихся

¹³ Подъяпольская Е. П. К вопросу о достоверности письма Петра I с берегов Прута // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 318.

на Дон карательных войск. Текст указа сохранился в двух пересказах в правительственной переписке, а также в письме повстанческого атамана С. Драного. Сопоставление текстов привело Е. П. Подъяпольскую к выводу «о достаточной степени точности передачи повстанческих документов в правительственной переписке».¹⁴

Обнаружив в правительственных документах и «Записках» Желябужского три версии воззвания атамана Л. Хохлача, Елена Петровна выделила полный текст и точно датировала его, отнеся к 23—27 апреля 1708 г. Хохлач призывал к истреблению немцев прибыльчиков, а также и тех неправедных судей и бояр, «которые стоят за немцев и неправедных судей».¹⁵

На основании фрагментов, сохранившихся в составе различного рода донесений и распросных речей, Елена Петровна реконструировала обращения булавишцев к тамбовским крестьянам, а также к работным людям, занятым на судостроительных верфях. «Прелестные письма» призывали крестьян присоединиться к восставшим, выбрать «меж себя. . . ис тамошних жителей атаманов и есаулов, а присланных ис Тамбова посыльных (правительственных агентов. — Л. С.) побивати до смерти». Обращаясь к работным людям, булавишцы призывали их прекратить «корабельное строение», казнить руководивших работами чиновников и присоединиться к казакам.¹⁶ Собрав по крупицам сведения из разных документов, Е. П. Подъяпольская показала, что у повстанцев были и более обширные планы — «ити под Тамбов и под Козлов и под иные города», захватить бояр, прибыльчиков, подьячих, «чтобы перевесить».¹⁷ В деревнях Козловского уезда, как показала Елена Петровна, читали «воровские письма с призывами: „Которые-де у них есть дворяне и подьячие, и тех бы, перевезав, прислали к ним, вора́м, в войско.“

Между вождями восстания велась переписка, но от большой повстанческой переписки сохранились лишь небольшие отрывки. Елена Петровна впервые ввела их в научный оборот, проведя тщательную источниковедческую работу по атрибуции, выявлению адресатов писем и района их отправки, наконец, по датировке фрагментов и отрывков. Ей удалось собрать сведения о письмах восставших, число которых превысило 150—200. Источники, исходившие от самих восставших, отметила Елена Петровна, особенно важны для понимания движущих сил восстания, планов, намерений и идеологии его участников. Особого внимания заслуживает предложенная Еленой Петровной методика обработки названных источников.

Реконструкция «повстанческого архива», значительно расширившая источниковую базу исследования, заняла одно из центральных мест в монографии Елены Петровны о восстании Булавина.

Жизнь Е. П. Подъяпольской — пример преданного служения исторической науке.

¹⁴ Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. 1707—1709. М., 1962. С. 36.

¹⁵ Там же. С. 24—25.

¹⁶ Там же. С. 42—43.

¹⁷ Там же.